

КАМНИ-КАЙРАКИ – МАССОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ХРИСТИАНСТВУ XII–XIV вв. ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

© 2019 г. Б.А. Железняков

В XVII веке в историческом центре Китая была случайно выкопана памятная стела с несторианской символикой, надписями на китайском и сирийском языках – источником по проникновению миссии церкви в 630-е гг., изложением основ веры и деяний церкви до 781 г. – времени установки стелы. Открытие несторианских древностей, относящихся к XII–XIV вв. в Чуйской/Шуской долине (Жетысу) и в Ордосе в обоих случаях 1880-е гг., вызвали огромный интерес к теме. Несмотря на то, что по разным причинам изучение древностей в регионах происходило со своими нюансами, регионы удалены на 3,5 тыс. км, результаты этих исследований имеют много общего. Это датировка и язык надписей, иконография, погребальный обряд. Христианство проникает в Южный Казахстан и Жетысу в V–VI вв., судя по археологическим источникам и остаткам церковных летописей. Его историю можно разделить на несколько периодов. Многие века это был регион, соединявший митрополии и Восточной и Западной Азии. К XI в. христианство в регионе практически прекращается. О массовых миграциях христиан-тюрков с востока в Жетысу сообщали арабские источники. В начале XII в. автор Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази, в книге “Табаз ал-хайван” (“Природа животных”) сообщал, что тюркоязычные народы кунов и каев – христиане по исповедованию из-за тесноты пастбищ из Северного Китая массово мигрировали в Жетысу. Массовость и подобие артефактов типа кайраков подтверждают это положение.

Ключевые слова: археология, Жетысу и Ордос, Монгольская империя, христианство Востока, несториане, онгуты, найманы, монофизиты, католики, армяне, надгробные кайраки

Исследования несторианских древностей Шуской долины конца XIX в. проводились параллельно на двух кладбищах: «близ Токмака» (Буранинское) и «близ Пишпека» (Караджигачское). Как отмечал В.А. Кольченко относительно изучения кайраков Караджигача: «их археологическая составляющая была полностью заслонена историко-фонологическим изучением эпитафий» [Кольченко,

2017, с. 169]. Само несторианское кладбище представляло крайне интересный комплекс: еще к концу XIX в. сохранялись руины церкви или часовен, а также достаточно детально можно судить и о различиях в обрядах несториан Шуской долины. На Припишпекском кладбище было зафиксировано 350 надписей; с камней без надписей изображений не делалось, «за исключением десятков двух

изображений», сделанных для характеристики крестов. После двух кладбищ в Шуской долине были найдены еще два: в Алмалыке (Илийской долины) и у с. Покровское у р. Джуука, оз. Иссык-Куль.

Жетысуские несторианские кайраки, которые помимо изображения сопровождаются надписями, обладают еще и важнейшим значением как источники по именам, хронологии и годичным циклам, внутреннему устройству и иерархии церкви и др. Анализировать данные по памятникам несторианства XII–XIV вв. – последнего этапа распространения несторианства в Жетысу необходимо с учетом всей Азии, где несторианство после своего значительного укоренения в Китае в VIII–IX вв., испытывая определенные трудности и ограничения, активно распространялось в северном направлении. А западные дворы и церковь пытались оказывать влияние на христиан Востока. Сохранилось значительное число памятников, артефактов и легенд, например, о «пресвитере/священнике и царе Иоанне» [Бартольд, 1964, с. 292, 293]. Недавние исследования во Внутренней Монголии западных исследователей в значительной мере подтвердили эти легенды. Были найдены 10 каменных плит с рельефными крестами, которые могли являться облицовкой церкви [Halbertsma, 2008, p. 205].

Учитывая научную значимость открытий, Восточное отделение Русского археологического общества в декабре 1885 г. приняло решение о том, что изучением эпиграфики найденных кайраков займется востоковед Д.А. Хвольсон, продолжит раскопки некрополей Н.Н. Пантусов, являющийся членом Туркестанского кружка любителей археологии. В 1887 г. в связи с нарастающим количеством

находок кайраков была образована Восточная Комиссия Императорского Московского Археологического Общества для координации проведения раскопочных работ, перевода и интерпретации эпиграфического материала. До 1893 г. Н.Н. Пантусов предоставил в Комиссию более 600 снимков с надгробных камней. Однако однотипность археологического материала, бедность сопроводительного погребального инвентаря привели к уменьшению интереса к находкам на несторианских кладбищах Шуской долины. Тем не менее, раскопки на некрополях продолжались до 1907 г. и редкие небольшие партии кайраков продолжали пополнять коллекции музеев Москвы, Санкт-Петербурга и Верного. Подавляющее число кайраков доставали из-под земли и, судя по определенным размерам кладбищ, если бы исследования продолжались, то общее число кайраков превысило бы 6000. Подробно результаты проведенных в XIX в. на несторианских кладбищах Киргизии исследований по имеющимся данным проанализировал В.А. Кольченко. Он обратил внимание на неоднородность погребального обряда, в том числе и явно нехристианские (языческие) его проявления. Изображения крестов на камнях не вызывает сомнений в принадлежности похороненных именно к несторианам [Кольченко, 2017, с. 177].

В настоящее время известно об около 700 жетысуских кайраках. Большинство из них происходят с двух кладбищ – некрополя городища Кара-Джигач и некрополя городища Бурана (в краеведческой литературе конца XIX – начала XX в. они именуются соответственно «кладбище близ Пишпека» и «кладбище близ Токмака») [Горячева, Перегудова,

1994, с. 91]. В конце XIX в. были произведены раскопки более 100 могил и найдены намогильные валуны-кайраки, около десятка из которых находилось на поверхности, остальные – более 600 - под землей, на глубине до 20 см.

Известно о трех разновременных поступлениях несторианских кайраков с буранинского средневекового несторианского кладбища в фонды ЦГМ РК. Первые семь поступивших камней были переведены Д. Хвольсоном. Уточним некоторые детали истории изучения и попадания этой партии из пяти кайраков в г. Верный. Найденные в 1892 г. при обследовании некрополя Бураны их отправили в центр края для того чтобы сфотографировать, поскольку с них не удалось сделать качественные снимки из-за зернистости и трещиноватой поверхности камней и отослать

фотографии в Археологическую комиссию, надписи остались непереверденными.

Приведем описание и перевод надписи одного из несторианских надгробий XIV в., найденного в 1907 г. на некрополе городища Бурана, в 11 км юго-восточнее г. Токмака, хранящегося в ЦГМ РК (КП 21930/3) (рис. 1). Окатанный камень – речная галька, подтрапещевидной формы 34×27 см. Найден в 1886 г. на некрополе городища Бурана, в 11 км юго-восточнее г. Токмака. В центре плоской грани выбит контурный «несторианский» крест и восемь строк тюрко-сирийской надписи (две горизонтальные над крестом, две горизонтальные под крестом, две вертикальные слева и две справа от него. Перевод: «В 1650 [=1339 г.] ..., это год зайца, по-тюркски табышкан. А это могила Шелиха, священника очень потрудившегося для Сиона, благословен всеми был» (перевод Д. Хвольсона – прим. авт.) [Слущкий, 1889, с. 31, № 109]. Интерес к чуйским кайракам в собрании ЦГМРК был достаточно высоким и в последние годы [Sciamanie Dervisci..., 2000, р. 91; Железняков, Григорьев, 2008, с. 57]. Приведем перевод еще одной надписи с кайрака: «В год 1650 [=1339 г.], это год зайца, по-тюркски табышкан. Это могила Шумру, верующего» (перевод Д. Хвольсона. ЦГМ РК 21930/2) [Слущкий, 1889, с. 32, № 118] (рис. 2).

Восточные влияния на жетысуских несториан легко увидеть на кайраке из Шуской долины с изображением «несторианского» креста над лотосом и ангелами, склонившимися к кресту. Цветок лотоса расположен на битрапещевидном основании из шести прямоугольных плит, напоминающих ступу. На лицевой поверхности камня выбиты орнамен-

Рис. 1. Кайрак с несторианского кладбища у городища Бурана. Фонды ЦГМ РК, КП 21930/3

Fig. 1. On-tomb stone from Burana Nestorian cemetery. Funds of Central State Museum no. 21930/3

Рис. 2. Кайрак с несторианского кладбища у городища Бурана. Фонды ЦГМ РК, КП 21930/2

Fig. 2. On-tomb stone from Burana Nestorian cemetery. Funds of Central State Museum no. 21930/2

тальный бордюр и тюрко-сирийская надпись о том, что в 1302 г. «...скончался и оставил этот мир истолкователь-экзегет Несторий, сын блаженного Карьи (?)» (перевод П.К. Коковцева) (рис. 3).

Две несторианские гальки оказались в музее г. Ашхабада, они не местного происхождения, опубликованы с прорисовками креста и надписей М.Е. Массоном. Эпитафии были переведены А.В. Пайковой и комментированы И.М. Дьяконовым [Массон, 1978, с. 52]. Наиболее вероятна версия их происхождения из Ургута, поскольку, судя по описанию, на жетысу-

ские они также не походят по качеству материала* [*прим. авт.], да и явно отсутствует смысл перевозки. Разнится и иконография. Это мнение, впрочем, несколько противоречит ранее высказанному мнению А.В. Пайковой, впервые сообщившей об этих экспонатах и связывавшей их с Жетысу. Кроме того, помимо имени «Петион» и звания «периодевт» в эпитафии не содержится даты, что обычно характерно для жетысуских надписей на кайраках. Постепенно расширялась география находок кайраков. М.Е. Массон особо отметил, что информация о кайраках Ургута до него не публиковалась [Массон, 1978, с. 51]. Кайраки могут иметь и местное происхождение, так, известно о несторианском монастыре в Тусе [Пигулевская, 1956, с. 104]. М. Диккенс сообщает, что к настоящему времени сохранился только один намогильный камень [Dickens, 2017, р. 121–122].

В районе Ургута были найдены выбитые сирийские надписи, найдено кадило, ныне хранится в Эрмитаже.

Рис. 3. Кайрак, нач. XIV в., Чуйская долина, ГЭ, инв. № СА 14296

Fig. 3. On-tomb stone from, Chu Valley, beginning of 14 century. State Hermitage, no. CA 14296

В последнее время в районе Ургута были проведены раскопки церкви (?) узбекско-украинской археологической экспедицией, сооружения IX–XI вв., ориентированного по сторонам света. По мнению Э.В. Ртвеладзе «к христианским культовым сооружениям относится вскрытое на поселении Коштепа I в Ургутском районе прямоугольное в плане здание с круглым залом, датируемое VII–VIII вв. Основанием для этого вывода послужили его архитектурные особенности, в некоторой степени близкие византийским христианским храмам, а также найденный здесь фрагмент стенки хума с оттисками печати, на которой, вероятно, представлен обряд крещения» [Ртвеладзе, 1999, с. 56]. Тем самым весь спектр находок относится к раннему и среднему периодам христианства, к позднему же относятся намогильные камни, названные в конце XIX в. кайраками.

Жетысуйские кайраки относятся к периоду нач. XIII – сер. XIV в. Вероятно, традиция устанавливать намогильные камни над захоронениями была принесена в Жетысу с Востока и была воспринята местным населением от христианизированных народов региона Монголии и Северо-Восточного Китая (онгутов, найманов, чигилей), где они встречаются в массовом количестве, собраны и хранятся в местных и центральных музеях. Хотя изначально обычай использования намогильных камней с эпитафиями восходит к ближневосточной традиции. Есть сведения, что сирийцы изготавливали их у себя на родине со времени принятия ими христианства. Четыре кайрака были найдены в 80-е гг. XX в. на Краснореченском городище в Шуской долине, два из них прочитаны [Горячева, Перегудова, 1994, с. 91–92]. На не-

большом, черного цвета кайраке едва разборчиво сообщалось, как прочитали В.Н. Настич и А.В. Пайкова, что «в 1100 г. эры “хана Александра” почил а девица Йаланч» (это 789 г. н.э.) [История Киргизской ССР, 1984, с. 369].

С открытием несторианских кайраков с эпитафиями в Жетысу мировая наука получила представление не только о грамотности местного населения и достаточно позднем применении сирийского алфавита тюрками-христианами, но и об особенностях христианского (несторианского) учения этого периода, контактах с несторианской митрополией, подчинявшейся патриарху-католикосу, резиденция которого находилась в Селевкии-Ктесифоне. По эпитафиям кайраков были установлены имена тюрков-христиан, особенности их летосчисления, распространение болезней и многие другие подробности их жизненного уклада. Несмотря на то, что изучением эпиграфики и иконографии семиреченских кайраков занимались сильнейшие востоковеды и лингвисты того времени Д.А. Хвольсон, П.К. Коковцев, С.С. Слуцкий, В.В. Радлов, Н.Я. Марр, Ф.Е. Корш и результаты их исследований были изданы в «Трудах Императорского Московского Археологического Общества», «Известиях Академии наук», интерес к этому типу источников не угасал. Уже на новом уровне развития науки кайраки неоднократно анализировались в советское время, в частности Н.В. Пигулевской, отметившей огромное значение семиреченских кайраков для изучения христианских тюркских текстов из Хара-Хото (Восточный Туркестан) [Пигулевская, 1940, с. 233].

Помимо двух крупных кладбищ в районе Бишкека и Токмака и трех поменьше, известно еще почти деся-

ток мест, где встречены намогильные камни с несторианскими крестами и сирийскими надписями. В числе кладбищ упоминается одно, у селения Мазар, близ развалин городища Алмалык (город Гуоченг) (рис. 4), надпись гласит: «Христианин по имени Георгий, ушел в 1677 (1674) г.», размеры камня 14×11 см. Еще одно кладбище находилось в 8 км западнее поселка Покровское. Местонахождения кайраков зафиксированы: в 40 км от Каракол; на развалинах Ташрабат; у селения Биркулак, в Токмакском районе; в городе Тараз; в долине р. Шу при ирригационных работах 1919 г.; в ряде пунктов Ферганы. Сообщения Пантусова конца XIX в. о предположительном наличии кайраков с крестами вдоль р. Шу были подтверждены работами 1919 г., о чем писал М.Е. Массон [Массон, 1987].

Рис. 4. Кайрак с некрополя близ Алмалыка (Илейская долина). XIV в.

Fig. 4. On-tomb stone from the cemetery near Almalyk site (Ile Valley), 14 century

В развитом средневековье действовали миссии Армянской церкви, о чем сохранилось значительное количество источников. Деятельность миссии Армянской церкви была сосредоточена в регионах Среднего Востока и Жетысу. Примечательно, что намогильный камень с армянской и сирийской билингвической надписью, свидетельствующей о смерти армянского епископа Иоанна (Ованнеса), датированный 1323 г., был обнаружен на Пишпекском кладбище. Э. Хуршудян предположил существование здесь армянской общины, единой с сирийской церковью. Внимательное изучение эпитафий с несторианских кайраков Жетысу выявило имена в «армянской» форме, например Погос. Особенно ярко смотрится слово «епископос». Камень обрамлен сирийским переводом надписи: «Иисус Христос, Господь Бог. Владыка Иоанн, армянский епископ. В 772 году сделана эта надпись летосчисления армянского» [Погосян, 2014, с. 9] (рис. 5). Данный факт указывает на наличие армянской общины. Есть основания к тому, чтобы утверждать что миссия Армянской церкви была самой «поздней» и ее миссия, возможно, была одобрена Тамерланом в условиях гонений на другие течения. К 1375 г. относятся свидетельства Каталонской карты о том, что на северном берегу Иссык-Куля находился монастырь братьев армянских, «в котором пребывает тело Св. Матфея, Апостола и Евангелиста». Всестороннему изучению проблемы посвящено множество исследований [Кляйн, 2003], в том числе и «круглые столы»

*Рис. 5. Кайрак с армянской и сирийскими надписями.
Пушпекское кладбище, XIV в. Собрание ГЭ.*

*Fig. 5. On-tomb stone from the cemetery near Bishkek, 14 century,
State Hermitage collection*

[Ак-Булун, 2006], в целом высказывавшиеся в пользу существования армянского монастыря на Иссык-Куле и достоверности данных Каталанского атласа.

Работы по систематизации эпиграфики и иконографии несториан Ордоса, исследованных на памятниках и артефактах этого же этапа средневекового периода, проводились японским ученым Е. Саеки в первой половине XX в., продолжились в публикациях ряда других ученых в начале нынешнего столетия, систематизированные в работах Т. Халбертсмы. Очевидно, что традиция отмечать могилу кайраком с христианской, зачастую и иной, смешанной буддийско-языческой символикой, попала в Восточной Азии на благодатную почву.

Тематике эпиграфики и иконографии несториан было посвящено много исследований, выявлено значительное разнообразие форм не-

сторианского креста в Ордосе, еще больше сопутствующих орнаментов, нежели оно прослеживается в Жетысу. Изображение креста воспринималось несторианами не как символ орудия казни Христа, а как символ украшения, лишь образно восходящее к христианским основам, элементы орнаментики которого были доработаны в характерной тюркской манере и служат памятниками культурного религиозно-этнического симбиоза. Обычно они сопровождаются изображением цветущего лотоса, ступы, иногда другими символами, прежде всего восходящими к буддизму или китайской традиции. Подобное мнение высказывалось многими исследователями, например С. Слущким, который основывался на свидетельствах папского посла В. Рубрука XIII в. о том, что «несториане стыдились показывать Христа пригвожденным ко кресту» [Слущкий, 1889, с. 66]. По-

Рис. 6. Крест «апостола Фомы»

Fig. 6. The Cross of "St. Thomas"

жалуй, большинство крестов имеют своеобразную «процветшую» форму на четырех концах. Явное или неявное восточное (по отношению к Жетысу) влияние прослеживается в большинстве изображений креста, восходящих к ранней форме креста Церкви Востока или креста «апостола Фомы» (рис. 6).

Логичность предположения о том, что жетысуские и восточноазиатские (ордосские) кайраки обнаруживают прямые аналогии (рис. 7) и указывают на непосредственные связи христианского населения между регионами, подтверждается тем, что к концу X – началу XI в. в основной части Жетысу христианства уже не оставалось и сохранялось в значительном упадке лишь в Северо-Восточном Жетысу, о чем в середине XIII в. свидетельствовал В. Рубрук. Об этом можно судить из путевого очерка мар Ябаллахи, не встретившего христиан от Тангута до Хорасана в своем путешествии на Запад в 1278 г.

Он же свидетельствовал о том, что в Каракоруме он заходил в шатровую церковь, где содержались изображения Спасителя и другие. Спутник В. Рубрука итальянец Бартоломео остался при той церкви, а Рубрук вернулся в Палестину (через Каспий и Малую Азию). Относительно города Каялыка Рубрук свидетельствовал, что зашел в церковь в трех лье от Каялыка на восток, т.е. приблизительно в 13 км [Путешествия, 1957, с. 126–127]. Рубрук подробно описывает церковь и ритуалы несториан при дворе Мунгке. Церковь была устроена, прежде всего, для его первой из супругов [Путешествия, 1957, с. 147]. Тем самым, в середине – третьей четверти XIII в. из тех путевых свидетельств и данных археологии можно говорить о нескольких центрах несторианской церкви, локализуемых на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Жетысуские христиане – самые малочисленные – поддерживали связи между удаленными митрополиями.

История изучения христианских древностей Ордоса и Жетысу, их судьба после открытия имеет много общего. Раритеты с памятников онгутов вывезены в музеи и научные институты от Токио до Парижа. Многие находятся на хозяйственных дворах ферм. Они не изучены в достаточной мере; не документированы, не переведены, их орнаменты не классифицированы. К изучению этого наследия должны быть привлечены: искусствоведы, синологи, историки церкви, богословы и знатоки древних языков [Halbertsma, 2008].

Кайраки являются самыми многочисленными артефактами, оставшимися от христиан Жетысу и одним из многочисленных видов в Ордосе, где их количественно превосходят лишь нательные подвески-крестики

Рис. 7. Христианские надгробья из Шижужуалинга
(no: [Halbertsma, 2008, p. 317])

Fig. 7. Christian tomb stone from Shizhuziliang
(by: [Halbertsma, 2008, p. 317])

XII–XIV вв. (собрано более 1000 крестиков). Язык эпитафий с кайраков из Шуской долины, особенности содержания изучены давно и подробно [Джумагулов, 1971]. В.В. Бартольд предполагал принадлежность кайраков к канглы, принявшим христианство. С.Е. Малов утверждал, что язык памятников весьма похож на уйгурский. А.М. Щербак относил их к карлукско-уйгурскому диалекту. В.В. Радлов считал язык памятников ветвью старого восточно-тюркского языка, проникнувшего далеко на запад [Джумагулов, 1971, с. 83]. Исходя из последних исследований в Ордо-се можно предположить, что часть племен, мигрировавших в XII в. из Восточной Азии, были христианами и носителями древнего восточно-

тюркского диалекта языка. Это было незадолго до образования Великой Монгольской империи. Относительно языков, используемых христианами Северного Китая и Дунхуана, теперь уже существует достаточно четкое представление. Основным языком христианства в Китае стал уйгурский. Сирийский остался сакральным, его знание снизилось до минимума: будущий католикос-патриарх Церкви Востока Ябалаха III (1281–1318), родом из уйгуров, заявлял, отказываясь от своего сана, что не знает сирийского вовсе [Муравьев, 2014, с. 55–67].

Определенные данные по христианству можно извлечь из арабских источников, опубликованных Б.Е. Кумековым. Развитию кимакского государства и культуры на территории Восточного Казахстана, Алтая, северо-восточного Жетысу помешали, главным образом, внешние факторы, хотя и внутренние противоречия могли сыграть свою роль. Кидани (каракитаи) и другие народы пришли в движение с образованием ими в Северном Китае государства Ляо в 916 г., последующем расширением территории этого государства. Б.Е. Кумеков приводит сведения о том, что падению кимакской державы способствовало передвижение неких племен кунов и каи. Ал-Марвази сообщает следующее: «Среди них (тюрков) есть группа

людей, которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они христиане несторианского толка» [Кумекон, 1972, с. 122]. Исследователь предполагает, что под напором кай куны двинулись далее на запад и потеснили племя шары. В.В. Бартольд помещал шары (сары) в Шуской долине, там, где было расположено средневековое поселение Сарыг (IX–X вв.) [Кумекон, 1972, с. 122–123]. Возможно, в этих источниках содержатся данные относительно миграции тюркских племен – несториан в Жетысу еще до X в., однако они пока не подтверждаются массовым материалом. Отдельные артефакты их нефрита свидетельствуют о связях с Китаем или Восточным Туркестаном [Железняков, 2004]. В свете изложенного выше из археологических источников следует, что массовое перемещение христиан с территории Северного Китая – Юго-Восточной Монголии происходило в XII – начале XIII в.

Известно, что эфталиты, белые гунны были христианами. Первые факты христианства среди тюрков вслед за Шаванессом приводит Ли Танг. Одна из хроник свидетельствует, что тюрки (кок-тюрки) - христиане были уже на территории государства эфталитов. Когда в 498 г. шах Кавад I был низвергнут с престола, тюркский правитель прислал войско и вернул ему престол. Помощь оказывали христиане. В 549 г. правитель эфталитов (из Балха) просил патриарха прислать им епископа. Далее исследователь сообщает более известный факт о том, что римляне, прибывшие на помощь Хосрову II, видели изображения крестов у тюрков (570 г.), воевавших за восставшего военачальника Бахрама [Tang, 2009, p. X].

Резкий всплеск религиозной жизни несторианской церкви (Востока), в частности в митрополичьем центре в Арбиле (иракский Курдистан), отмечают исследователи при монгольской династии Хулагуидов. С этой династией и с переменами в жизни церкви были связаны надежды восточных христиан. Они же отмечают, что около 1300 г. церковь была на максимуме своего влияния, а также имела прочные связи с Римом и Пекином. Только лишь в XVI в. церкви Востока удастся частично восстановиться после катастрофы, грянувшей в XIV в. (разорение Тамерланом) [Murte-vanden Berg, 2006, p. 394.]. Не случайно католикосом-патриархом несториан тогда был мар Ябалаха – уйгур по происхождению.

Определенный интерес в связи с символикой и орнаментацией на кайраках и надгробьях вызывает крестовидные и «крестовключенные» подвески. В них были сосредоточены и «новые», и «старые» символы, претендующие на «большую» универсальность. Видимо, это неизбежный процесс «общения» старой и новой символики. Именно на раннем этапе проникновения христианства нательные кресты и подвески обнаруживают наибольшее разнообразие, пока не будут приняты канонизированные образцы. Ранние нательные кресты на Руси X–XI вв. изготовлялись из восточных монет и имели форму расширяющегося креста, вписанного в круг, с различным, в том числе пуансонным, орнаментом на окончаниях и изготовленные по образцам [Тесленко, Мусин, 2014].

Наиболее богаты этой символикой так называемые «ордосские бронзы», полученные, главным образом, сборами местных жителей из развезенных могил тангутов. Далее

они перепродавались, значительная их часть собрана в музеях [Drake, 1962]. Ф. Дрейк подводит некоторый итог изучению собранных и известных надгробий и стел из разных регионов Китая. После известной стелы из Сиани он придает большое значение рукописям, найденным в начале XX в. в запечатанной пещере в Дунхуане. Однако и массовый материал из Ордоса крайне важен. Наряду с чисто несторианскими кайраками, похожими на аналогичные из Монголии и Туркестана с расширяющимися на каждом из окончаний крестов и сирийскими надписями, есть несколько с латинскими надписями, относящимися к францисканской миссии в Чуань-Чоу времен Монгольской империи. Относительно персоналий и дат в переводах доктора Дж. Фостера, опубликовавшего результаты прочтения пяти латинских надписей, можно отметить следующее. В одном из них сообщается об Андреа из Перуджи, епископа Зайтона (Гуанчжоу), умершего в 1326 г. [Drake, 1962, p. 25]. Об этой миссии известно, что Папа Климент V послал семь францисканских монахов в ранге епископов ко двору династии Юань в 1307 г., прибывших в Ханбалык в 1308 г. Миссия существовала до мученической гибели последнего католического епископа в 1362 г., поскольку после гибели Монгольской империи в 1368 г. католические и любые христианские миссии были запрещены. Ф. Дрейк попытался провести сравнительный анализ известных ему надгробий из Ордоса с сирийскими и монгольскими надписями из других регионов Китая. Например, из района Гуанчжоу: одна сирийская, свидетельствует о смерти христианина в 1349 г., две монгольские – в 1311 и 1324 гг. [Drake, 1962, p. 25].

В данной статье мы не углублялись в вопросы вероучения и различия между ветвями христианства, представленными в Азии, а тем более степени адаптации христианского учения (различных его ветвей) к местным традициям. Однако необходим комментарий. Главное разделение в церкви Центральной Азии произошло еще в 30-х гг. V в. между мелькитами и несторианами, следом добавились еще и непримиримые (для несториан, в первую очередь) яковиты. Мелькиты – фактически изначальные христиане – утратили свое господствующее положение из-за огромного числа сторонников этих двух учений. Им уже было не до того, чтобы осуществлять миссию, например, в Китай и сохранить позиции было сложно. Ортодоксальные христиане (мелькиты) до начала X в. сохранялись в Мерве и Багдаде [Арсений архимандрит, 1880, с. 345]. Видимо, основная их часть переселилась в Хорезм, где по свидетельству Бируни мелькитская община сохранялась и в X в. или же вернулась в Византийскую Империю [Дресвянская, 1974, с. 151]. Мелькиты долго и, очевидно, локально сохранялись в Хорезме, об этом сохранились свидетельства Бируни [Бируни Абу Рейхан, 1957, с. 318]. В том же Хорезме хорошо заметна смена влияний христианских учений. Если до VIII–IX в. там улавливаются связи с ортодоксальной Византией, а также со славянами и Волжской Булгарией, то с XIII в. усиливаются торговые и иные связи с Западной Европой [Доспанов, Кдырниязов, 2010]. Тем самым, первый период распространения христианства наполняла внутренняя борьба между мелькитами, несторианами (диофизитство) и яковитами (монофизитами). С XI в. отмечается движение крестоносцев на Восток, а

монгольских народов, в том числе и христианизированных, - на Запад. В конкуренции за умы народов Востока к несторианам и армянам добавляются еще и католики.

О религиозном синкретизме в Центральной и Восточной Азии.

Поиск истоков христианских изображений Восточной Азии был бы продуктивным в богатом наследии религиозного искусства региона предшествующей эпохи. Хорошо известно о традиции настенных росписей погребальных сооружений в Китае, в том числе и в I тыс. н.э. Захоронение согдийского сатрапа Виркака 579 г., характеризующее синкретичность мировоззрения согдийцев, в том числе в Китае, раскопанное в 2003 г., было введено в оборот китайскими археологами. Причем основная религиозная принадлежность похороненного к зороастризму, высказанная Ф. Грене с коллегами [Grenet et al., 2004], вызывает постоянные дискуссии или по меньшей мере уточнения [Vaissière, 2015]. По мнению исследователей З. Гулачи и Д. Будун, из 11 панелей пять – религиозных и шесть – биографических. Девять мотивов на этих пяти панелях они связали с манихейством [Gulasci, BeDuhn, 2012, p. 3]. В этом они пытаются пересмотреть анализ этих же изображений Ф. Грене и его соавторов, которые отрицали манихейскую природу изображений на согдийском саркофаге VI в., поскольку манихейское искусство, например, в уйгурской литературе известно с X в., приводят З. Гулачи и Д. Будун и другие примеры подтвержденной манихейской хронологии в искусстве и архитектуре после этого периода. В таком случае, как нам представляется, их логично атрибутировать как буддийские, имевшие тогда большее распространение в

Согде. Хотя дискуссия имеет основания, поскольку известный дастархан из Тараза с манихейским штампованным изображением датировался Т.Н. Сениговой кон. VI – нач. VII в. [Сенигова, 1960, с. 97–98]. В этой связи известен жаркий спор о природе пенджикентского искусства, начатый ведущими исследователями памятника и культурологами, неразрешенный до сих пор [Шкода, 2009, с. 21–22]. Рисуем предположить, что в искусстве Пенджикента, да и согдийского саркофага, надо увереннее видеть буддийскую иконографию и сюжеты. Буддизм в Среднюю Азию проникает значительно раньше манихейства, значительно укрепляется, и соответственно в вопросах иконографии мог сильно повлиять на манихейство. Поскольку манихейство стремилось вытеснить все другие религии, создав универсальную/всеобщую религию, оно свою изобразительность черпало именно из буддизма – самой развитой с художественной точки зрения религии. В этом смысле показателен анализ генезиса образа четырехрукой богини, распространенного в Восточном и Западном Туркестане, наряду с несколькими иконками из Хотана, воспроизводящими другие образы, датирующимися VI–VIII вв. Большинство из иконок – буддийские или шиваистские, но образ четырехрукого женского или мужского божества имеет местную традицию. «Женское божество, в образе четырёхрукой богини, держащей солнце и луну, имеет многочисленных* [*местных – прим. авт.] предков и потомков, с которыми оно связывается как по мифологической, так и по иконографической линии» [Дьяконова, 1961, с. 270]. Культура «общения» богов в пантеоне Центральной Азии имеет длительную домусульманскую историю.

Христианство, попав в Китай в VII в., к онгутам в XII в., столкнулось с тем же или с еще более изощренным синкретизмом, о котором с недопониманием писали средневековые европейские миссионеры. В символике на кайраках или нательных крестах-подвесках мы видим христианские, буддийские, зороастрийские и традиционные символику, образы и иконографические мотивы. Например, это такие известные артефакты, как каменная ступка с изображениями креста, голубя и свастики из Торткуля (Южный Казахстан). Мировоззрение Азии – значительно более многослойно, чем европейское.

К сожалению, до сих пор нет единого представления об убранстве несторианских церквей, из одних и тех же источников делаются взаимоотрицающие выводы. О богатом убранстве несторианских церквей в Каракоруме и по дороге к нему, обилии изображений, книг, пышных обрядов пишет В. Рубрук. Также и о «византийском» убранстве церкви в Каракоруме [Путешествия, 1957, с. 136]. Вместе с тем часто цитируется свидетельство В. Рубрука о том, что изображения распятия не в обычае у несториан Кайлака [Путешествия, 1957, с. 127].

Несториане начали отказываться от икон после того, как они определились относительно «плоти» Христа как вполне человеческой в середине IX в., их выбор в сторону иконоборчества стал предопределен. К концу IX в. мелькитам разрешили иконопочитание, а несторианам запретили. Но это не сильно упрощает общую задачу по атрибуции христианской символики на артефактах, поскольку, в силу разных обстоятельств, «благолепие» у несториан могло быть снова благословлено в угоду конку-

ренции, например, с католиками. В столь большом разнообразии восточного репертуара «благолепия», сопровождавшего изображения крестов Восточной Азии, необходимо видеть конкуренцию за паству с буддистами и местными традициями, в которых растительные и животных орнаменты и сюжеты преобладали, они гармонировали с менталитетом.

Выводы. Наличие более десятка выявленных к настоящему моменту несторианских кладбищ, относящихся к началу XIII – концу первой половины XIV в. в Шуской и Илейской долинах, свидетельствует о значительных миграциях. Количество христиан в регионе резко сократилось с конца X – начала XI в., после первой волны во второй половине VIII в. с юго-запада. Это было связано с общими процессами эпохи Великого переселения начала II тыс. до н.э. С другой стороны, это могло быть продиктовано необходимостью существования относительно крупных «конгрегаций» или общин несториан между Восточной Азией и митрополией в Багдаде (удалённость паствы и верховного иерарха).

Несмотря на относительную массовость надгробных памятников, отмечавших захоронения, пока масштабы не напоминают вооруженные силы христиан Востока, шедших на помощь крестоносцам. Как известно, Крестовые походы были осуществлены в период с конца XI до середины XIII в. Большинство надгробных камней Жетысу относится к периоду после захвата значительной части Средней Азии каракитаями и правления Елюя Даши (после победы в Катванской битве 1141 г. над элитой мусульманского войска, возглавляемого Султаном Санжаром). Об отстраненности несториан от политики косвен-

но может свидетельствовать принадлежность Елюй Даши к конфуцианцам или манихеям (по историческим источникам). На это может указывать значительная бедность захоронений несториан, явно не связанных с военной добычей. Вместе с тем, иконография некоторых крестов отмечает явное сходство с христианским искусством Византии и Палестины. Вместе

с тем, победа каракитаев вызвала значительные процессы в христианском мире Востока: в 1142 г. состоялась уния несториан и яковитов – непримиримых дотоле соперников. Тем самым, данная статья – лишь повод констатировать значительную сложность религиозной картины Центральной и Восточной Азии и крайнюю сложность ее научной реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ак-Булуң. Диалог культур. Новый шаг в исследовании историко-культурного наследия Кыргызстана: матер. Междунар. круглого стола (г. Бишкек, 2–5 мая 2006 г.). Бишкек, 2006. 244 с.
2. *Арсений, архимандрит.* Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковных, от Рождества Христова до 1879 г. СПб., 1880. 874 с.
3. *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // Сочинения. II (2). Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: «Наука», 1964. С. 265–303.
4. *Байпаков К.М., Савельева Т.В.* Религии в городах Северо-Восточного Жетысу – Семиречье (Илийская долина) в XIII–XIV вв. // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути: матер. междунар. научн.-практ. конф. 12–13 июня 2017 г. Алматы, 2017. С. 25–42.
5. *Бируни Абу Рейхан.* Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 461 с.
6. *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1994. С. 84–95.
7. *Гумилев Л.Н.* Несторианство и Древняя Русь // ВГО. Доклады отделения этнографии. М., 1967. Вып. 5. С. 1–6.
8. *Дашковский П.К.* Прозелитарные религии и мировоззрение тюркоязычных кочевников Центральной Азии в эпоху раннего средневековья: дискуссионные проблемы изучения // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути: матер. междунар. научн.-практ. конф. 12–13 июня 2017 г. Алматы, 2017. С. 82–96.
9. *Джумагулов Ч.* Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе: «Илим», 1971. 162 с.
10. *Доспанов О.Т., Кдырниязов М.-Ш.* Средневековый Хорезм и христианский мир (о связях городов Хорезма с европейскими странами в средние века) // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова. М.: «Наука», 2010. С. 312–319.
11. *Дресвянская Г.Я.* Овальный дом христианской общины в Старом Мерве // Труды ЮТАКЭ, т. XV. Ашхабад, 1974. С. 151–181.
12. *Дьяконова Н.В.* Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // Труды ГЭ. Т. V. (Культура и искусство народов Востока, 6). Л.: ГЭ, 1961. С. 257–272.
13. *Железняков Б.А.* Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины // Ахинжановские чтения–2004: сб. матер. научн.-практ. конф. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2004. С. 44–47.

14. Железняков Б.А. Периодизация распространения христианства, причины его упадка (Центральная Азия). Находки в Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2005. № 1. С. 231–247.
15. Железняков Б.А. Проблемы изучения вопросов распространения несторианства в Азии до XV в. // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1 (274). С. 264–273.
16. Железняков Б., Григорьев Ф. Христианство в Семиречье: несторианские кайраки и монастырь армянских братьев // Nomad Kazakhstan. 2008. № 4. С. 52–64.
17. Из истории древних культов Средней Азии: Христианство / сост.: Л.И. Жукова. Ташкент: Главное издательство энциклопедий, 1994. 117 с.
18. История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. / Гл. редсовет: А.К. Карыпкулов (пред.) и др. Т. 1. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. 798 с.
19. Кляйн В. География религий Средней Азии между реальностью и фикцией в Каталанском атласе (1375) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Бишкек, 2003. С. 319–331.
20. Кольченко В.А. Периодизация распространения христианства в Средней Азии по данным археологии // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии: матер. научн. конф. Бишкек: ОФЦИР, 2003. С. 53–73.
21. Кольченко В.А. Припишпекское (Кара-Джигачское) средневековое христианское кладбище по данным архивных документов о раскопках 1886 года // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути: матер. междунар. научн.-практ. конф. 12-13 июня, 2017. Алматы, 2017. С. 168–178.
22. Король Г.Г. Искусство древних кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.
23. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: «Наука», 1972. 156 с.
24. Ломанов А.В. Христианство и Китайская культура. М.: Восточная литература РАН, 2002. 446 с.
25. Массон М.Е. Происхождение двух несторианских надмогильных галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 10. С. 50–55.
26. Муравьев А. В. Личные имена в восточно-сирийской литургической рукописи из Тайбэя // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2014. Вып. 5 (40). С. 55–67.
27. Погосян Г.А. От седого Арарата до Алтая – диалог духовных полюсов мира // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. Гум. и обществ. науки. 2014. № 2. С. 8–13.
28. Пайкова А.В. Сирийский остракон из Пенджикента // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1974. М., 1981. С. 78–86.
29. Пигулевская Н.В. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // Советское Востоковедение. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 212–234, табл. I–III.
30. Пигулевская Н.В. История мар Ябалахи и Саумы // Палестинский сборник. 1956. Вып. 2 (64–65). С. 97–108.
31. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. литературы, 1957. 272 с.
32. Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. Ташкент: «Главное издательство энциклопедий Узбекистана», 1999. 249 с.
33. Сенигова Т.Н. Иконографическое изображение из Тараза // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1960. № 3 (14). С. 97–102.
34. Слуцкий С.С. Семиреченские несторианские надписи // Древности восточные: Труды восточной комиссии Императорского Московского Археологического общества / М.В. Никольский, ред. 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 1–72.

35. *Тесленко И.Б., Мусин А.Е.* «Средневековые крестовидные подвески из листового серебра»: тридцать лет спустя // Славяне и иные языци... К юбилею Н.Г. Недошивиной. М.: ГИМ. 2014. Вып. 198. С. 242–253. 2014, — 362 с.
36. *Шкода В.Г.* Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб.: ГосЭрмитаж, 2009. 280 с.
37. *Grenet F., Riboud P., Jinkal Y.* Zoroastrian Scenes on a Newly Discovered Sogdian Tomb in Xi'an, Northern China // *Studa Iranica*. 2004. 33. P. 273–284.
38. *Gulasci Z., BeDuhn J.* The Religion of Wirkak and Wiyusi: The Zoroastrian Iconographic Program on a Sogdian Sarcophagus from Sixth-Century Xi'an // *Bulletin of the Asia Institute*, 26 (2012/2016). P. 1–32.
39. *Dickens M.* More Gravestones in Syriac script from Tashkent, Panjikent and Ashgabat more // *Winds of Jingjiao: Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia*. July, 2016. P. 105–129.
40. *Drake F.S.* Nestorian Crosses and Nestorian Christians in China under the Mongols // *Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society*, Vol. 2. 1962. P. 11–25.
41. *Halbertsma T.* Some Field Notes and Images of Stone Material from graves of the Church of the East in Inner Mongolia, China. *Monumenta Serica*, Vol. 53. 2005. P. 113–244.
42. *Halbertsma T.* Early Christian Remains of Inner Mongolia. Discovery, Reconstruction and Appropriation. Leiden, Boston. 2008. 356 p.
43. *Murre-van den Berg H.M.* The church of the east in Mesopotamia in the Mongol period // *Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia*. Sankt Augustin, 2006. P. 377–394.
44. *Paolillo M.A.* Nestorian Tale of Many Cities. The Problem of the Identification of Urban Structures in Önggüt Territory during the Yuan Dynasty according to Chinese and Western Sources // R. Malek and P. Hofrichter (eds.), *Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia*. Sankt Augustin, 2006. P. 357–373.
45. *Sciamani e Dervisci dale steppe del Prete Gianni*. Religiosite del Kazakhstan e percezione del fantastico a Venezia. 2000. 128 p.
46. *Tang L.* Turkic Christians in Central Asia and China (5th – 14th centuries) *Studies in Turkic philology*. Festschrift in honour of the 80th birthday of Professor Geng Shimin. Beijing, 2009. P. I–X.
47. *Vaissière E.* Wirkak: Manichaeen, Zoroastrian, Khurrami? On bilingualism and syncretism in Sogdian funerary art,” *Papers in Honour of Professor Yutaka Yoshida and Professor Masaharu Arakawa on Their 60th Birthday*, *Studies on the Inner Asian Languages*, 30, 2015. P. 95–112.
48. *von Le Coq, A. Chotscho*. Facsimile-Wiedergaben der Wichtigeren Funde der Ersten Königlich Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkistan. Berlin, 1913. 76 p., Tafels.

Сведения об авторе:

Железняков Борис Анатольевич – докторант, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); boriszheleznyakov@mail.ru

ҚАБІР (ҚАЙРАҚ) ТАСТАР – XII–XIV ҒҒ. ОРТАЛЫҚ ЖӘНЕ ШЫҒЫС АЗИЯДАҒЫ ХРИСТИАН ДІНІ БОЙЫНША БАЙ ДЕРЕК

Б.А. Железняков

XVII ғ. Қытайдың тарихи орталығынан 630-шы ж.ж. шіркеу миссиясының енуі бойынша дерек беретін, орнатылған уақыты – 781-ші жылға дейінгі шіркеудің әрекеті мен діннің негізі баяндалған несториандық символикасы, қытай және сириялық жазуы бар естелік стела кездейсоқ қазылып алынды. Шу өңірі (Жетісу) мен Ордостан

XII–XIV ғ.ғ. жататын несториандық ескерткіштердің табылуы тақырыпқа деген қызығушылықты арттыра түсті. Дегенмен, аймақтағы ескерткіштерді зерттеу әртүрлі себептерге байланысты өзіндік ерекшеліктерге алып келді, себебі аймақ бір-бірінен 3,5 мың шақырым алшақ жатқанымен, зерттеу нәтижелерінің көбінде ортақ болып келуі. Ол – мерзімі мен жазу тілі, иконографиясы мен жерлеу ғұрпы. Христиан діні Оңтүстік Қазақстан мен Жетісуға V–VI ғ.ғ. енген, мұны археологиялық деректер мен шіркеу жылнамаларының қалдықтары дәлелдейді. Оның тарихын бірнеше кезеңге бөлуге болады. Ұзақ ғасырлар бойы бұл аймақ Шығыс және Батыс Азия митрополиясын жалғасытырып жатты. XI ғ. аймақтағы христиан діні толығымен тоқтайды. Христиан-түріктердің шығыстан Жетісуға жаппай қоныс аударуы жөнінде араб деректері хабарлайды. Мұны XII ғ. басында Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвазидің «Табаз ал-хайван» («Жануарлардың қоршаған ортасы») кітабында беріледі. Онда христиан дінін ұстанған түркі тілді кун және кай халқы жайылымдықтың таршылдығынан Қытайдың солтүстігінен Жетісуға жаппай қоныс аударғандығы айтылады. Қабір тастар секілді артефактілердің көп табылуы осы жағдайды дәлелдей түседі.

Түйін сөздер: археология, Жетісу және Ордос, Моңғол империясы, Шығыстағы христиан діні, несториандық, оңғұттар, наймандар, монофизиттер, католиктер, армяндар, қабір тастар

TOMB STONE-KAYRAKS – MASS SOURCE ON CHRISTIANITY OF THE 12-14th CENTURIES IN CENTRAL AND EASTERN ASIA

B.A. Zheleznyakov

The memorable stele with Nestorian symbolic also Chinese and Syrian inscriptions is the source on penetration of a mission of the Church in the 630th, states of bases of belief and acts of church till 781 – the installation time of a stele has been dug out accidentally in the 17th century in the historic center of China. Opening of the Nestorian antiquities relating to the 12–14th centuries in the Chu Valley (Jetysu) and in Ordos in both cases in the 80th of the 19th century have attracted huge interest to this subject. In spite of the fact that for various reasons studying of antiquities in regions happened to the nuances, regions are removed on 3,5 thousand km, and results of these researches have a lot in common. It is much common in dating and language of inscriptions and iconography and funeral ceremony. The Christianity gets into the Southern Kazakhstan and Jetysu in the 5–6th centuries, according to archaeological sources and the remains of Church chronicles. History of Christianity in Middle East can be divided into several periods. Jetysu for many centuries was the region connecting metropolia of Eastern and Western Asia. Christianity in Jetysu almost stops by the 11th century. According to Arab sources there were few mass migrations of Turkic Christians to Jetysu from the East. At the beginning of the 12th century it was Sharafaz-ZamanTakhir al-Marvazi, in his book “Tabaz al-hayvan” (“The nature of animals”) author reported that the Turkic-speaking people of Kun and Kai were Christians and because of narrowness of pastures they migrated to Jetysu from Northern China in large quantities. Mass character and similarity of artifacts like kayraks confirm this evidence.

Keywords: archaeology, Jetysu and Ordos, Mongolian empire, Eastern Christianity, Nestorians, Onguts, Naymans, Monophysites, Catholics, Armenians, tomb stones kayraks

REFERENCES

1. Ak-Bulun. 2006. *Dialog kultur (Cultural Dialogue)*. Bishkek: “Ilim” Publ. (in Russian).
2. Arsenij, arhimandrit. 1880. *Letopis tserkovnyh sobytii i grazhdanskih, poyasnyayushchih tserkovnyya, ot Rozhdestva Hristova do 1879 g. (The Chronicle of church*

events and civil events, explaining church in period from A.D. till 1879). Saint Petersburg (in Russian).

3. Bartold, V. V. 1964. *Sochineniya (Works)*, 2. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

4. Baipakov, K. M., Savelieva, T. V. 2017. In *Religii Kazahstana i Centralnoi Azii na Velikom Shelkovom puti (Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk way)*. Almaty, 25–42 (in Russian).

5. Biruni, Abu Reihan. 1957. *Pamyatniki minuvshih pokolenii. Izbrannye proizvedeniya. (Written monuments of the past generations. Selected works)*, 1. Tashkent: UzSSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).

6. Goryacheva, V. D., Peregodova, S. Ya. 1994. In *Iz istorii drevnih kultov Srednei Azii. Hristianstvo (From the history of ancient cults of Central Asia. Christianity)*. Tashkent: The main editors of encyclopedias Publ., 84–95 (in Russian).

7. Gumilev, L. N. 1967. In *Vsesouznoe Geograficheskoe obshestvo. Doklady otdeleniya ehtnografii (All-Union Geographical Society. Reports of the Department of Ethnography)*, 5. Moscow, 1–6 (in Russian).

8. Dashkovskii, P. K. 2017. In *Religii Kazahstana i Centralnoi Azii na Velikom Shelkovom puti (Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk way)*. Almaty, 82–96 (in Russian).

9. Jumagulov, Ch. 1971. *Yazyk siro-tyurkskih (nestorianskih) pamyatnikov Kirgizii. (Language of the Syrian and Turkish (Nestorian monuments of Kyrgyzia)*. Frunze: “Ilim” Publ. (in Russian).

10. Dospanov, O. T., Kdyrniyazov. M.-Sh. 2010. In *Otvuki Velikogo Horezma (Echoes of the Great Khorezm)*. Moscow: “Nauka” Publ., 312–319 (in Russian).

11. Dresvyanskaya, G. Ya. 1974. In *Trudy Uzhno-Turkmenistanskoi Arheologicheskoi Kompleksnoi Ekspedicii (Materials of Southern Turkmenian Archaeological Complex Expedition)*, XV. Ashkhabad, 151–181 (in Russian).

12. Dyakonova, N. V. 1961. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Works of State Hermitage)*, V. Leningrad: State Hermitage Publ., 257–272 (in Russian).

13. Zheleznyakov, B. A. 2004. In *Akhinjanov chteniya (Akhinjanov readings)*. Almaty, 44–47 (in Russian).

14. Zheleznyakov, B. A. 2005. In *Izvestiya MON RK (Proceeding of the Ministry of the Education and Sciences)*, 1, 231–247 (in Russian).

15. Zheleznyakov, B. A. 2010. In *Izvestiya NAN MON RK (Proceeding of the National Academy of Sciences Ministry of the Education and Sciences)*, 1 (274), 264–273 (in Russian).

16. Zheleznyakov, B., Grigoriev, F. 2008. In *Nomad Kazakhstan*, 4, 52–64 (in Russian).

17. *Iz istorii drevnih kultov Srednei Azii: Hristianstvo (From history of ancient cults of Middle Asia. Christianity)*, 1994. Compl: Zhukova, L. I. Tashkent: Glavnoe izdatelstvo ehnciklopedii (in Russian).

18. *Istoriya Kirgizskoi SSR c drevnejshih vremen do nashih dnei. V 5-ti t. (History of the Kyrgyz SSR since the most ancient times up to now. In 5 volumes)*, 1. 1984. Frunze: “Kyrgyzstan” Publ. (in Russian).

19. Klyajn, V. 2003. In *Problemy politogeneza kyrgyzskoi gosudarstvennosti (Problems of political genesis of Kyrgyz statehood)*. Bishkek, 319–331 (in Russian).

20. Kolchenko, V. A. 2003. In *Buddizm i hristianstvo v kulturnom nasledii Centralnoi Azii (Buddhism and Christianity in the cultural heritage of Central Asia)*. Bishkek: “Ilim” Publ., 53–73 (in Russian).
21. Kolchenko, V. A. 2017. In *Religii Kazahstana i Centralnoi Azii na Velikom Shelkovom puti (Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk way)*. Almaty, 168–178 (in Russian).
22. Korol, G. G. 2008. *Iskusstvo drevnih kochevnikov Evrazii. Oчерki. (Art of ancient nomads of Eurasia. Sketches)*. Moscow; Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ. (in Russian).
23. Kumekov, B. E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI v. po arabskim istochnikam (The state of Kimaks of the 9–11th centuries on the Arab sources)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
24. Lomanov, A. V. 2002. *Hristianstvo i Kitaiskaya kultura (Christianity and Chinese culture)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
25. Masson, M. E. 1978. In *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane (Social Sciences in Uzbekistan)*, 10, 50–55 (in Russian).
26. Muraviev, A. V. 2014. *Vestnik Pravoslavny Svyato Tikhinovsky Univesitet (Bulletin of the Pravoslavny Svyato Tikhinovsky Univesitet)*, 5 (40), 55–67 (in Russian).
27. Pogosyan, G. A. 2014. In *Vestnik Rossiisko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta (Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University)*, 2, 8–13 (in Russian).
28. Paikova, A. V. 1981. In *Pismennyye pamyatniki Vostoka (Written monuments of the East)*. Moscow, 78–86 (in Russian).
29. Pigulevskaya, N. V. 1940. In *Sovetskoe Vostokovedenie (Soviet Oriental Studies)*, 1, 212–234 (in Russian).
30. Pigulevskaya, N. V. 1956. In *Palestinskii sbornik (Palestine col.)*, 2, 97–108 (in Russian).
31. *Puteshestviya v vostochnyye strany Plano Karpini i Rubruka (Travel to east countries of Plano Karpini and Rubruk)*. 1957 / Shastina, N. P. (ed.). Moscow: Gos. izd-vo geogr. Literaturny Publ. (in Russian).
32. Rtveladze, E. V. 1999. *Velikii shelkovyi put (The Great Silk Road)*. Tashkent: «Glavnoe izdatelstvo ehnciklopedii Uzbekistana» Publ. (in Russian).
33. Senigova, T. N. 1960. In *Izvestiya AN KazSSR (Proceeding of the Sciences Academy of Kazakh SSR)*, 3 (14), 97–102 (in Russian).
34. Sluckii, S. S. 1889. In Nikolskii, M. V. (ed.). *Drevnosti vostochnyye (Oriental antiquities)*, 1, 1–72 (in Russian).
35. Teslenko, I. B., Musin, A. E. 2014. In *Trudy GIM (Proceedings of the State Historical Museum)*, 198, 242–253 (in Russian).
36. Shkoda, V. G. 2009. *Pendzhikentskie hramy i problemy religii Sogda (V–VIII vv.) (Temples of Pendzhikent and problems of religion of Soghd (5–8 cc.))*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).
37. Grenet, F., Riboud, P., Jinkal, Y., 2004. In *Studa Iranica*, 33, 273–284.
38. Gulasci, Z., Be Duhn, J. 2012/2016. In *Bulletin of the Asia Institute*, 26, 1–32.
39. Dickens, M. 2016. In *Winds of Jingjiao: Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia*, July 2016, 105–129.
40. Drake, F. S. 1962. In *Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society*, 2, 11–25.

41. Halbertsma, T. 2005. In *Monumenta Serica*, 53, 113–244.
42. Halbertsma, T. 2008. *Early Christian Remains of Inner Mongolia. Discovery, Reconstruction and Appropriation*. Leiden, Boston Publ.
43. Le Coq, A. von. 1913. *Chotscho: Facsimile-Wiedergaben der Wichtigeren Funde der Ersten Königlich Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkistan*. Berlin, Dietrich Reimaer (Ernst Vonsen) Publ.
44. Murre-van den Berg H.M. 2006. In Malek, R., Hofrichter, P. (eds.). *Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia*. Sankt Augustin, Publ., 377–394.
45. Paolillo, M. 2006. In Malek, R., Hofrichter, P. (eds.). *Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia*. Sankt Augustin Publ, 357–373.
46. *Sciamani e Dervisci dale steppe del Prete Gianni*. 2000. *Religiosite del Kazakhstan e percezione del fantastico a Venezia*.
47. Tang, L. 2009. In *Studies in Turcic philology*. Beijing, I–X.
48. Vaissière de la E. 2015. In *Studies on the Inner Asian Languages*, 30, 95–112.

About the Author:

Zheleznyakov Boris A. Doctoral student, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; boriszheleznyakov@mail.ru

Мүдделер кактыгысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер кактыгысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.01.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 31.01.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 07.02.2019.